

Наши публикации

М. В. ЛОЛА

ПО СТРАНИЦАМ «ВОСПОМИНАНИЙ» ДИРЕКТОРА КУБАНСКОГО РАБФАКА И КРАСНОДАРСКОГО ПЕДИНСТИТУТА М. И. ЛОЛЫ

Кубанский казак, уроженец станицы Староджерелиевской, профессор политэкономии М. И. Лола родился в 1896 году. На девяностом году жизни он скончался в городе Вильнюсе 18 февраля 1986 года. После смерти остались записки-воспоминания.

Ключевые слова: история высшего образования на Кубани, М. И. Лола.

Воспоминания Михаила Ивановича Лолы его сын Владимир Михайлович бережно собрал и перепечатал на машинке. Получилось около пятидесяти страниц машинописного текста. Эта рукопись хранится в нашем домашнем архиве...

Родился Михаил Иванович Лола 20 ноября 1896 года, за три года до начала XX века, на Кубани, в бедной казацкой семье. Дело было в степи, вся семья работала на уборке урожая. Роды приняла бабушка Явдоха, известная в станице своим повивальным искусством. Именно она, подложив Псалтырь, перерубила топором пуповину. Так полагалось. Книга, в данном случае Псалтырь (других книг в семье не было), означала ученость, топор – силу. Уборка к тому времени еще не кончилась, но мать с ребенком отпустили домой, и она понесла своего первенца в станицу по осенней дороге, за несколько километров.

Несмотря на такие суровые условия родовспоможения, а может быть благодаря им Мишка рос здоровым и крепким. Более того, две его бабушки, одна со стороны отца, другая со стороны матери, к семи годам усмотрели в нем искру Божию – незаурядные умственные способности и постановили: «Мишку треба виддаты до школы». Когда ему было об этом объявлено, он ужасно испугался: знал, что в школе учитель дерет учеников за ухо и ставит в угол на колени, подсыпав кукурузы или соли. Ужас был так велик, что Мишка зашелся в плаче, стал умолять бабушек не отдавать его в школу, обещал пасти телят и исполнять всякую работу. Но решение было окончательным и бесповоротным.

Две бабки в этой казацкой семье были главными, отец Мишки Иван Терентьевич нес военную казацкую службу вдали от дома. Дед Терентий был тихим, богобоязненным. Занимался больше бахчой, где выращивал дыни и арбузы. Знал секрет их сохранения до самого Рождества. Еще он занимался пасекой, а в оставшееся свободное время читал по слогам Псалтырь. Все многочисленные работы по хозяйству он переложил на свою жену и на сватью Явдоху – двух казачек, крепких умом и телом.

Казацкие жены, часто остававшиеся одни на хозяйстве, когда их мужья несли царскую службу, привыкли надеяться только на себя. Так и Мишкину судьбу решили две бабушки. Мать, Клавдия Анисимовна, занятая малыми детьми, не смела

вмешиваться в решение своей матери и свекрови, а, возможно, была и согласна с ними.

Итак, положив в узелок три десятка яиц и приодев внука понарядней, бабушка Явдоха повела семилетнего Михаила в школу. Учитель Василий Иванович, он же заведующий единственной в станице школы и учитель трех классов, принял подношение в виде яиц и нового ученика в виде семилетнего казачонка. Учитель спросил: «Учиться хочешь?» И Мишка, чувствуя на себе многозначительный взгляд бабушки Явдохи, солгал: «Хочу». На этом процедура приема закончилась. Учитель сказал: «Ну, ступай в школу», и Миша робко вошел на школьный двор. Тут-то и произошло настоящее посвящение в ученики. Новенького окружили – и давай со смехом кто во что горазд! Кто за волосы дернет, кто за ухо, а самый большой еще и пинка дал. Тут уж казак не стерпел, размахнулся и «дал в рыло». Пошла кровь носом, мальчишка с ревом – к учителю. Без лишних разбирательств Мишка был взят за ухо и поставлен в угол на колени. В углу он простоял целый урок. Стоял и радовался, что учитель не подсыпал на пол ни кукурузы, ни соли.

Так как занятия в школе уже шли и ученики уже что-то усвоили из школьной науки, а новый ученик ничего не знал и не умел, то учитель, опять-таки взяв его за ухо, подвел к первой парте. Тут он его и посадил – в разряде «лентяев». Далее сидели «средние», а на задних партах – хорошие ученики. Такая была принята иерархия в этой школе. Мише выдали букварь, а тетрадки, чернильницу, ручку и перо он должен был купить сам в лавке.

Как говорилось, школа состояла из трех отделений, а учитель Василий Иванович Лисицын – один. Несмотря на это, учебный процесс был хорошо организован, дисциплина строго соблюдалась, и ученики осваивали основы грамоты.

Михаил Иванович так это описывал: «Методика занятий была чрезвычайно своеобразной. Ее вскорости я испытал на себе. Василий Иванович садился за парту рядом с тобой, брал за ухо и карандашом в раскрытом букваре показывал на слова, которые ты должен прочитать. Если читал неправильно, то он дергал очень больно за ухо. Потом посыпал к доске и диктовал задачу или пример, которые ты должен решить. Если было не решено или решено неправильно, он снова брал за ухо или за волосы и возвращал тебя за парту.

За неправильно написанное слово или кляксу Василий Иванович очень больно бил линейкой по руке. Через неделю ухо у меня ныло непрерывно. К нему даже было больно притронуться. Я ничего не соображал ни в чтении, ни в счете. Дома мои уроки проверить было некому. Дед был почти неграмотный, он даже толком не умел читать, хотя когда молился Богу, то клал перед собой раскрытый Псалтырь. Бабки и мать были совершенно неграмотные, а отец, окончивший два отделения у того же Василия Ивановича, был на военной службе».

В конце концов Василий Иванович перестал обращать внимание на Михаила Лолу, окончательно записав его в «лентяи», оставив сидеть на первой парте предоставленному самому себе. Так Миша сидел месяц или два, довольный тем, что его оставили в покое. Ухо перестало болеть, а он, к своему удивлению, стал уметь складывать буквы в слова и понимать, как решать задачи и примеры.

И вот в один прекрасный день Василий Иванович задал устную задачу всему классу и спросил, кто может ее решить. Никто не поднял руки. А Миша понял, как решить задачу, и поднял руку. Учитель удивился и рассмеялся:

– Ну-ну, давай!

Бывший «лентяй» правильно объяснил решение задачи, был проэкзаменован в решении примеров и в чтении. Без лишних слов учитель перевел его в число первых учеников, на заднюю парту. С тех пор первым учеником Миша оставался всегда. Каждое из трех отделений оканчивал с похвальным листом и получал в подарок книгу.

Ко времени окончания Михаилом школы из трех отделений в станице было открыто двухклассное училище с пятью отделениями в прекрасно отстроенном здании. Казаки сознавали пользу от образования и делали все что возможно для своих детей. Образованные казаки со временем получали военные чины, становились офицерами. Дослужившись до высоких чинов, могли получить дворянский титул.

Двухклассное училище Михаил Лола окончил с похвальным листом и получил свидетельство, в котором против каждого предмета стояла отличная оценка.

Михаил Иванович писал: «Надо сказать, что это было неплохое училище. Окончившие его были всесторонне грамотными людьми. Знали основы наук, произведения классиков литературы. Я, например, мог написать самый замысловатый диктант без единой ошибки». На это Михаил Иванович обратил внимание в связи с наличием в русской грамматике тех лет букв «и» с точкой, твердого знака в конце слов и «ять», что составляло большие трудности для грамотного письма.

Следующим этапом в получении образования для Михаила должно было стать Высшее начальное училище – ВНУ. Такие училища были переходной ступенью между начальным и средним образованием. Для того чтобы поступить в него, надо было серьезно подготовиться. Но в августе 1914-го началась Первая мировая война. И отец, поразмыслив, сказал было: «Теперь не до учебы, брось об

этом думать»; но сам он к тому времени отслужил военную службу, а Мише служить еще было рано. Война, в смысле участия в ней, не затронула ни отца ни сына. Отцу было уже много лет, а Михаилу – мало. И вопрос о продолжении образования был снова поднят.

За учебу любимого внука горой стояла бабушка, мать отца. Она продолжала главенствовать в семье. Отец очень уважал свою мать, в ее присутствии не смел даже курить. Если он сидел и курил, то, увидев идущую к нему мать, тотчас же тушил самокрутку. При поддержке бабушки и отца Михаил всерьез взялся за подготовку к поступлению в ВНУ.

К этому времени были в разгаре полевые работы, семья жила в степи, в курене. Работы продолжались до захода солнца и начинались с рассвета. Чтобы подготовиться к экзаменам, Михаил был вынужден ежедневно ходить пешком в станицу, где занимался при свете керосиновой лампы. К рассвету он должен быть снова в степи. Подремать можно было только в послеобеденные часы.

Сосед по куреню советовал выбить из парня стремление к учености, всыпать ему плетей. Глубокомысленно изрекал: «Ты пойми, Иван, он выучится, тебя же дураком будет называть!» Отец был дальновиднее и умнее соседа, отвечал: «Кто его знает, что будет дальше. Жизнь идет вперед и неграмотному человеку живется все хуже и хуже».

Приближался срок идти в военную службу Михаилу Лоле. Для бедной казацкой семьи это катастрофа. Купить строевую лошадь и обмундирование значило пустить семью по миру. У казака Ивана Терентьевича Лолы было восемь детей. Исключая Михаила, все малолетние. Выход был один – учеба с последующей службой на штатской должности.

Отец положил давать Михаилу ежемесячно десять рублей и велел идти учиться: «Если тебя не примут в училище, то тебя, безусловно, определят в кавалерию. Тогда мне придется покупать тебе коня и обмундирование, я разорюсь, и вся наша семья пойдет по миру с сумой, мы станем нищие». После таких слов Михаил твердо решил приложить все силы для поступления в училище. За неделю до экзамена он отправился в станицу Славянскую, где находилось Высшее начальное училище.

Пройдя 25 километров, загорелый и запыленный, Михаил имел такой вид, что швейцар не пустил его в училище. Пришлось настаивать, позвали инспектора, который с удивлением спросил, что угодно посетителю.

– Я хочу учиться.

Инспектор, взяв Михаила за руку, привел в учительскую и, не удержавшись от юмора, представил: «Вот, смотрите, Ломоносов пришел». Интеллигентные педагоги, мужчины и женщины, отнеслись благосклонно к молодому казаку, и он был допущен к вступительным экзаменам, которые и сдал на одни пятерки.

Дома обрадованный отец купил Мише форму как у гимназистов: костюм, ботинки, фуражку с кокардой, пояс с бляхой, на которой стояли буквы

ВНУ. Теперь не стыдно было пройти по станице.

Услышал отзыв: «Неладно скроен, но крепко сшит». Дело в том, что Миша в свои семнадцать лет имел могучую фигуру как у Ильи Муромца и обладал соответствующей силой.

С началом занятий в училище Михаил чувствовал себя не в своей тарелке и вел себя тихо. В развлечениях учеников участия не принимал. Главным был парень с четвертого курса по фамилии Невидимый. Он обладал большой физической силой и позволял себе довольно жестокие шутки. Например, подсаживался на скамейке к кому-нибудь и «обнимал за шею» так, что парень падал на землю под смех и аплодисменты зрителей. Этот номер он решил проделать и с Михаилом, но соревнование окончилось в пользу последнего. С тех пор слава Невидимого померкла, а Михаил получил прозвище «крепкош» и авторитет первого силача. Для разминки во время перемен он брал за пояса маленьких братьев Водорезовых и подымал над головой одного правой, другого левой рукой. Это был его коронный номер, и на этом демонстрация силы заканчивалась. Михаил был не злой парень и своей силой не злоупотреблял. К учебе он относился очень серьезно, получал только отличные оценки. Естественно, был любимцем педагогов и инспектора Н. И. Мелехова.

Николай Иванович Мелехов был инспектором высшего начального училища, преподавал геометрию и был руководителем группы, в которой учился Михаил Лола. В воспоминаниях Михаил Иванович не раз писал о своих педагогах, помнил всех по именам, сохранил к ним чувство благодарности. О Николае Ивановиче Мелехове – интересный рассказ. Как руководитель группы Николай Иванович часто приходил к ученикам, садился на стул, складывал на большом животе руки и, вертя большими пальцами туда и обратно, учил жизни. Однажды он объявил: «Разумеется, вы невоспитанны, плохо себя ведете, делаете много чего недозволенного. Мы должны создать в училище общество по выработке хороших манер. Назовем его “Общество учтивости”. Ты, Лола, будешь делать доклад о том, зачем нам нужно такое общество». Он поручил преподавательнице математики Т. М. Александровой помочь составить молодому станичнику доклад о хороших манерах. Михаил прочитал свой первый в жизни доклад в присутствии всех педагогов, а потом долго хранил его в своих бумагах. Наверное, это был хороший доклад, и он оказал благоприятное действие на слушателей. Во всяком случае, сам докладчик на всю жизнь усвоил хорошие манеры в обращении с окружающими. «Общество учтивости» просуществовало вплоть до Великой Октябрьской революции, а потом было свергнуто вместе со старым режимом как пережиток прошлого.

По прошествии многих лет, будучи директором Кубанского педагогического института, Михаил Иванович Лола встретил на улице безработного Николая Ивановича Мелехова и помог ему устроиться на работу.

Михаил Лола мечтал стать учителем, для это-

го после окончания ВНУ он должен был пройти годичные педагогические курсы, чтобы получить звание учителя. Но не тут-то было. Вернувшись в станицу, попал в поле зрения военного писаря, который сказал: «Трэба в армию йты, а то будэш дуже вчёный».

Надо было срочно принимать меры, чтобы избежать мобилизации, и Михаил отправился в Екатеринодар с намерением поступить на почтово-телеграфные курсы. Занятия на курсах уже шли, но настойчивость и пятерочные аттестаты помогли, и Михаил был принят. Через неделю он получил отсрочку призыва в армию до окончания курсов. Обрадованный отец приехал в Екатеринодар, привез десять рублей. Миша в очередной раз спас семью от расходов на казацкую экипировку, т. е. от разорения. Но главной целью Михаила было сдать экзамен на звание учителя начальных училищ. За время прохождения курсов он подготовился. И сдал экстерном этот экзамен в Майкопской учительской семинарии с хорошими оценками. Почтово-телеграфные курсы он тоже окончил, хоть и со средними результатами, так как отвлекался на подготовку экзамена на звание учителя.

Подав прошение, Михаил Лола получил назначение на должность учителя начальной школы села Царский дар (ныне с. Великовечное Белореченского р-на). Шел 1916 год. Учителю Михаилу Ивановичу Лоле было без двух месяцев 20 лет. Он еще не знал, что в этом селе родился и жил Василий Евдокимович Дровяников – необыкновенный человек, пламенный революционер, талантливый командир и журналист, а с 1926 по 1941 годы солист – бас Большого театра. Об этом человеке другой выдающийся человек, тоже уроженец села Великовечное, Николай Григорьевич Швец напишет книгу «Кубанский самородок». Но все это будет позже, а сейчас идет последний предреволюционный год.

Годы учебы и начало педагогической деятельности Михаила Лолы совпали с предреволюционным периодом. Страна бурлила. Она была беременна революцией. Михаил слышал все более смелые высказывания против царя, Бога, богачей. Сначала это были сетования бедняков на свою долю. Потом он стал читать труды о теории революции. К 1917 году, в свои двадцать лет Михаил был убежденным марксистом, в 1919 году вступил в коммунистическую партию большевиков.

Занятия в школе села Царский дар шли своим чередом. Кроме Лолы был еще один педагог М. Я. Акимов. Закон божий преподавал местный священник о. Михаил. Вскоре он предложил молодым педагогам: «Знаете что, ребята, преподавайте Закон Божий в своих группах сами, а мое жалование делите между собой». И они стали получать жалование о. Михаила, особенно не утруждая себя преподаванием Священной Истории. Однажды они за это поплатились. Приехал Благодичинный проверить, как идет преподавание его предмета, и повелел пригласить о. Михаила. Посланный за ним сторож – украинец Хома, он же звонарь в церкви, вернулся с секретным сообщением, что «Отец Мыхайло гуляють у господина Волоха и

уже дуже пьяни. Колы я им сказав, що приихав Благодичинный и трэбуе вас до сэбэ, так воны сказаны – плював я на Благодичинного, – и не хотят йты». Пришлось сочинить экспромт, что отец Михаил уехал в село Алексеевское на соборование богатой женщины и приедет только завтра.

Тогда Благодичинный потребовал проводить его в классы и проэкзаменовал учеников. Как и следовало ожидать, знания были менее чем посредственные. Записав в журнал свои впечатления – весьма нелестные для школы и тем более для о. Михаила, Благодичинный уехал.

Хотя Михаил Лола к тому времени был атеистом, он считал, что священник должен показывать пример благонравия, и уж конечно быть верующим. Отец Михаил явно не соответствовал этим канонам. Он любил гульнуть с казаками, не чурался простого люда, мог позволить себе смелые речи не в пользу Бога, играл в преферанс с местной интеллигенцией. Молодой педагог с юношеской прямоотой призвал к ответу: «Вы же обманываете людей!» На это священник ответил молодому правдолюбцу: «Ну не верю. Но ведь кто-то должен обвенчать вступающих в брак, окрестить и зарегистрировать новорожденного, отпеть новопреставленного. Я народные обычаи соблюдаю, а верю, не верю – пусть это никого не касается!» Как оказалось, о. Михаил, в прошлом – студент Томского университета, пошел в священники, чтобы избежать воинской повинности. Верующие любили отца Михаила «своего в доску», а другого священника, отца Иоанна, глубоко верующего, недолюбливали. Когда пришла ведомственная телеграмма об отречении от престола царя Николая II, о. Михаил во время службы по просьбе начальника почты зачитал с амвона ее содержание присутствующим в храме. На это о. Иоанн обратился с призывом: «Православные христиане, давайте просить царя-батюшку возвратиться на престол и не покидать нас». На что о. Михаил изрек: «Если отречься, то нечего и просить». В конце концов отец Иоанн пожаловался архиерею на отца Михаила и последний был вынужден сменить место службы – ушел во флот священником на военный корабль. Но предварительно успел обвенчать атеиста Михаила Лолу с жительницей села казачкой Дровяниковой Дарьей Петровной, студенткой музыкального училища. В 1921 году у них уже было два сына – Анатолий и Борис, которых, возможно, окрестили в местной церкви, пока она не закрылась.

Молодые педагоги Акимов и Лола продолжали учить ребят села Царский дар читать и писать, а на дворе уже прошумел двумя революциями семнадцатый год.

Двадцатилетний казацкий сын и сам казак, Михаил Лола, достаточно образованный, пытается разобраться в борьбе многочисленных политических партий и становится убежденным марксистом. Село Царский дар населено в основном пролетариатом, к тому же с фронтов мировой войны приходят хлебнувшие окопного лиха борцы за свободу рабочих и крестьян. Среди них Василий Дровяников – двоюродный брат жены Михаила

Лолы, член большевистской партии с семнадцатого года, пламенный революционер.

Фронтвики приносили с собой большевистские убеждения. Изгнали из села старосту волостного правления и выбрали председателем революционного комитета Василия Дровяникова, который про изгнанного старосту сказал: «И он ушел плача и посылая пеплом главу». Революционеры не жалели о старом режиме и с энтузиазмом строили новую жизнь. В начале двадцатого года в селе Царский дар организовалась партийная ячейка, секретарем избрали Михаила Лолу. Тогда уже он был преподавателем высшего начального училища. Другой преподаватель и инспектор училища – Джугели был избран председателем ячейки. Шла борьба за умы. Часто проходили митинги на площади перед ревкомом. Голос Дровяникова, прирожденного агитатора и оратора, раздавался на все село. Неудивительно. Это был будущий солист Большого театра – бас. Свой редкостный голос пока что он употреблял на установление Советской власти на Северном Кавказе. Во время боев с войсками Деникина Дровяников командовал партизанскими отрядами, на захваченной белыми территории работал в подполье. В эти годы они не расставались с Михаилом Лолой и в следующем поддерживали связь. Впоследствии судьба развела их по разным фронтам борьбы за Советскую власть, но оба они до конца жизни оставались по одну сторону баррикады.

Расставшись с Дровяниковым, Михаил Иванович с головой окунулся в работу и борьбу. Или, может быть, правильнее сказать, в работу-борьбу. Работу по построению нового государства и борьбу с остатками царского режима. Пережил гибель отца в 1920 году: изрубили шашками на пороге своей хаты. Кто? Не иначе казаки атамана Рябоконя. Тогда же изрубили на куски отца самого Василия Рябоконя красные милиционеры. За что? Кто виноват? Так и сошлись в смертельной схватке казаки. Красные и белые, которые всю жизнь работали на одной земле, воевали против одного противника. А тут разделились на красных и белых. Кто Рябоконя бандитом крестит, кто народным мстителем называет. И нет выхода. Вплоть до двадцать третьего года вели борьбу против Рябоконя красные отряды, среди них казак Михаил Лола. Победили. Поймали раненого в обе руки батьку Рябоконя, привезли в Екатеринодар. Рябоконь никого не выдал, служить в Красной армии отказался. Расстреляли.

Не сразу, но успокаивались, остывали горячие головы: жить-то надо, и стали жить. Но дел понаделали. Хозяйство порушено. Земля – знаменитый Кубанский чернозем – в запустении. Куда-то делись образованные люди, а они нужны.

Михаил Иванович работает на разных советских и партийных должностях в Царском даре, в станице Джерелиевской, в Славянске, Темрюке, снова в Славянске. С 1926 года он трудится в должности заведующего рабфаком в городе Краснодар, в 1926–1928 годах экстерном оканчивает педагогический институт.

Партия ставит задачу привлечь в вузы страны

рабочих и крестьян, сделать из них специалистов со средним или высшим образованием. Но сначала надо найти желающих учиться. От рабфака на село посылают уполномоченных комсомольцев, молодых коммунистов с заданием собрать желающих учиться. Молодым людям, которые батрачат у богатых хозяев, предлагают стипендию, превышающую их батрацкий заработок. Уполномоченные наделали переполоха в селах и станицах. Многие родители не хотели отпускать детей – семнадцати-двадцатилетних помощников в хозяйстве. Раздавались женские вопли: «Ой, лышенько, на кого ты нас спокладаешь!» Но агитация приносила свои плоды.

Однако на рабфак пришла в основном малограмотная масса рабочих и крестьян. Студенты не понимали, что им преподают. Особенно большие трудности были с математикой. Группа студентов пришла к Михаилу Ивановичу с претензией: «Этот профессор пишет на доске разные формулы, в которых мы ничего не понимаем. Ты, директор, скажи ему, чтобы он преподавал эту науку понятно». Директор внял этой просьбе и назначил дополнительные часы для преподавания основ математики. Студентам сказал, чтобы они приложили усилия в овладении основами этой науки и поднялись до уровня ее преподавания в вузе. Скидки на трудности в связи со слабой начальной подготовкой не сделал. Но зато сделал вывод о том, что надо принимать меры по доведению полуграмотных людей до способности учиться на рабфаке, а потом уже и в вузе. Так при рабфаке, по инициативе директора, были организованы курсы батраков. Эти курсы открывали возможность получить среднее или высшее образование для полуграмотной молодежи.

Среди бывших рабфаковцев впоследствии сформировалось много выдающихся специалистов, руководителей народного хозяйства, педагогов. Вот один из примеров, описанных Михаилом Ивановичем в его воспоминаниях. Прочитав очерк под названием «Михаил Кархин»: «Однажды после приемных экзаменов мне позвонила моя учительница русского языка и литературы М. Ф. Виноградова, у которой я учился в средней школе. Всех своих учителей от начальной школы и до вуза я помнил и относился к ним с большим уважением. Мария Федоровна просила меня принять на рабфак Михаила Кархина, который провалился на приемных экзаменах. Она утверждала, что это произошло случайно, что он способный и трудолюбивый. Я не смог отказать своей старой учительнице и скрепя сердце приказал принять Кархина. И не ошибся. Начав с троек на первом курсе, на третьем он учился на одни пятерки. После рабфака окончил вуз. Когда я случайно встретил его на перроне в Ростове-на-Дону, он работал главным инженером крупного мясокомбината».

Известность и популярность Краснодарского рабфака росла. Однажды в сопровождении нескольких военных к Михаилу Ивановичу пришел герой Гражданской войны Епифан Иович Ковтюх с просьбой принять на рабфак его племянницу. И хотя прием закончился, приемная комиссия уже

не работала, Михаил Иванович распорядился принять девушку. С Ковтюхом они были из соседних станиц и много раз встречались ранее и после. Уже вышла из печати книга Серафимовича «Железный поток», в которой Ковтюх описан под фамилией Кожух. В одну из встреч с Епифаном Иовичем возникла идея поставить памятник Таманской армии на берегу Кубани, что и было сделано. У Михаила Ивановича сохранился альбом снимков поэтапного строительства памятника от закладки фундамента до полного возведения и открития.

Епифан Иович Ковтюх – герой гражданской войны, видный военный деятель, всеми уважаемый полководец Красной армии, расстрелян в 1938 году. Посмертно реабилитирован. Памятником ему – замечательная, вызывающая мороз по коже книга «Железный поток» и не утихающее справедливое возмущение людей: как мог Сталин разрешить, допустить, приказать убить такого человека?

Преподавательский состав Кубанского рабфака был представлен педагогами дореволюционной школы, имевшими, как правило, высшее образование, некоторые имели ученые степени. Математику преподавал профессор. Неудивительно, что на директора, имеющего всего лишь «высшее начальное» образование, косились. Но Михаил Иванович Лола был большевиком с 1919 года, ставленником партии, с большим опытом партийной работы. И с этим приходилось считаться. Тем не менее, Михаил Иванович, чувствуя себя обязанным соответствовать должности руководителя педагогическим коллективом, поступает в 1926 году в педагогический институт и в 1928 году оканчивает его.

Итак, он имеет высшее образование, у него трое сыновей – в 1927 году родился третий сын Владимир; жена Дарья Петровна Дровяникова окончила музыкальное училище.

Одновременно с исполнением обязанностей директора педагогического института Михаил Иванович часто по заданию Краснодарского Округа ездил по деревням на различные кампании: хлебозаготовки, коллективизация и др. Однажды, это было в 1929 году, его отозвали из такой командировки на «чистку партии». Михаил Иванович предстал перед комиссией по чистке при большом скоплении народа в зале. Мероприятие проходило вечером, чтобы привлечь побольше народа. Всяк мог зайти и принять участие в обсуждении, задать вопросы. На руках у комиссии была пачка заявлений, в основном анонимных, о том, что Михаил Лола из казацкого сословия, что он был депутатом Рады и офицером, что он учился на учителя при царском режиме и преподавал Закон Божий в церковно-приходской школе, а брат его жены Василий Дровяников в настоящее время живет за границей и выступает с концертами перед буржуазией. Михаил Иванович приготовился к объяснениям по всем пунктам предъявленных ему обвинений, но тут в зале поднялся человек и громко объявил: «Я Влас Ткаченко из одной станицы с проверяемым, член партии. Я

М. И. Лола с женой (из семейного архива).

знаю Лолу, он член партии с 1919 года. В гражданскую войну – подпольщик и красный партизан. Занимал посты секретаря горкома и райкома, был делегатом XIV съезда ВКП(б), членом Обкома и Крайкома. Он преодолел контрреволюционное воззрение казачьей станицы и стал на свою коммунистическую точку зрения. Я думаю, что такого коммуниста надо оставить в партии, чтобы он и дальше обеспечивал марксистско-ленинскую позицию!» Все! Такие слова, да еще произнесенные громким, уверенным голосом убедят кого угодно. Все присутствующие проголосовали за коммуниста Лолу Михаила Ивановича: «Оставить в партии, чтобы он продолжал марксистско-ленинскую позицию!»

В 1929 году семью постигла беда. Младший сын заболел страшной болезнью – менингитом. Двоюродный брат Дарьи Петровны Василий Дровяников в это время был на стажировке в Италии, это спасло маленького Вовку. Дровяников, узнав о болезни племянника, проконсультировался у зарубежных врачей, прислал редкое лекарство. Дарья Петровна, спасая сына, заболела сама, 21 января 1930 года ее не стало.

Из депрессии, вызванной смертью жены, Михаила Ивановича выводит новая работа: по рекомендации Н. К. Крупской он становится директором педагогического института. Одновременно с педагогической деятельностью занимается на-

учной работой. В 1932 году семья переезжает в Ростов-на-Дону. Михаил Иванович становится доцентом пединститута и одновременно зав. сектором КрайОНО.

В 1933 году судьба делает крутой поворот. Партия направляет усилия на подъем сельского хозяйства. Михаил Иванович Лола в числе первых мобилизован на работу в деревню, как тогда говорили, «на слом кулацкого саботажа». Однако вместо бедной глухой деревни, как ожидал, попадает в необычное для российских мест имение под названием Хуторок. Под этим уменьшительно-ласковым названием оказывается огромное, комплексное предприятие, сочетающее в себе культурное, высокопродуктивное сельское хозяйство на площади 20 тыс. десятин и перерабатывающую сельхозпродукты, хорошо организованную промышленность. Михаил Иванович, как житель Кубани, конечно, слышал о хозяйстве Хуторок, но вблизи увидел его впервые. С удивлением он изучает историю этого имения. Вот как описывает он это в своих воспоминаниях.

К его приезду Хуторок уже был переименован в Индустриальный, учебно-опытный промышленный совхоз-комбинат № 1 им. И. В. Сталина. Михаила Ивановича по рекомендации Армавирского горкома партии избрали секретарем парторганизации этого предприятия. За время работы в Индустриальном, учебно-опытном промышленном совхоз-комбинате № 1 имени товарища Сталина (1933–1935 гг.) секретарем парткома и заместителем директора, изучая историю хозяйства, Михаил Иванович постепенно пересмотрел свои взгляды на методы социалистического строительства. Но вслух он об этом никому не говорил, был в некотором смятении: как он, коммунист с 1919 года, мог проникнуться уважением и восторгом к капиталисту, дворянину, барону? Но правда есть правда и шила в мешке не утаишь: тягаться с бароном не смог бы ни один из известных строителей социализма.

Михаил Иванович Лола в 1935 году был назначен директором Индустриального совхоза-комбината. Дела шли неплохо. Потом наступил 1937 год. О событиях страшного времени, трагически сказавшихся на этой казачьей семье, я знаю по воспоминаниям моего мужа Владимира Михайловича...

Вовке 10 лет. Отца пришли арестовать серьезные молчаливые, исполненные чувства долга люди. Что-то сказали (Вовка не запомнил), отец спокойно встал и пошел. Вовка понял – происходит то, что не должно происходить, то, чего не может быть. Отца забирают! Лучшего в мире отца, лучше которого только Сталин, уведут навсегда. Вовка рванулся, вцепился, повис на широкой груди. Трое оторвали, отшвырнули. Он долго кричал, бился в припадке бессильного горя. Никто его не успокаивал, матери у Вовки не было, умерла в 1930 году. Мачехе Клавдии Захаровне, молодой, красивой, – не до Вовки.

Утром как всегда встал, оделся, повязал красный галстук, пошел в школу. В школе все стало не так, как раньше. Никто не крикнул ему: «Вовка!»,

не стукнул по спине, не подставил подножку.

На большой перемене к нему подошла пионервожатая Аня и повела в учительскую. Там она стала говорить слова, которые Вовка не мог понять, как ни старался. Она говорила долго и под конец спросила:

– Ты все понял?

– Да, – сказал Вовка.

– После уроков будет сбор пионерской дружины в спортзале.

Опять спросила: «Ты все понял?» И он опять ответил: «Да».

– Ну, вот и хорошо.

Когда все построились, Вовку поставили лицом ко всем. Аня сказала речь о том, что враг народа, изменник Родины Лола, который пролез на должность директора совхоза, разоблачен и посажен в тюрьму, и вот его сын – пионер Вова Лола отрывается от него.

Тогда Вовка сказал:

– Нет!

Стало тихо, потом шумно. Потом Аня развязала и сняла с Вовкиной шеи пионерский галстук. Вытерла о свою юбку руки, на которые накапало из Вовкиных глаз, пока она развязывала узел. Из всеобщего любимца, дисциплинированного и активного пионера за эту торжественную церемонию он превратился в дикого, неистового, злобного чуть звереныша. На всю жизнь остались у Вовки чуть заметное заикание и кривоватая ухмылка.

Он не перестал быть патриотом любимой Родины, не перестал любить товарища Сталина, но если кто-то взглянул на него «не так» или просто посмотрел в упор – кидался в драку, бил что есть силы. Его стали бояться, звали «бешеный», старались не смотреть на него и обходили стороной. Иногда он нападал на ребят старше и сильнее, тогда его избивали. Следы побоев носил на себе долго, некоторые остались на всю жизнь.

Мачеха собрала вещи и уехала к своему отцу. Вовка остался на улице. Иногда ему давали поест в совхозной столовой, но вообще-то нельзя было этого делать: «Лольного щенка не смейте подкармливать!» – так сказал какой-то зам.

Вовка написал письмо бабушке в станицу Староджерелиевскую – на родину отца: «Папку арестовали, расстреляют как врага народа. Меня исключили из пионеров. Клавка уехала. Есть мне нечего». Ответа он не получил. Бабушка скончалась в одночасье, как только ей, неграмотной, прочитали это письмо.

Вовка шел в станицу Староджерелиевскую все лето. Несколько раз его ловили, забирали в детдом. Он убегал и снова шел. Голодал. Ел то, что находил в полях и на огородах. Иногда воровал в открытых хатах. Однажды попался. Мужик – хозяин хаты избил до полусмерти: казаки ненавидели воров.

В станицу он пришел к началу учебного года. Бабушки не было. Остались братья отца – его дяди со своими семьями. Вовка жил то у одного, то у другого. Жены братьев не жаловали племянника – у самих полно детей. Дядья тоже косились на него, считая виновником смерти их матери.

Вовкиного отца Михаила Ивановича Лолу, члена коммунистической партии с 1919 года, активного борца за революцию, приговорили к расстрелу. Он подал кассационную жалобу. Дело пересмотрели... – и снова, во второй раз, приговорили к расстрелу. Опять подал кассационную жалобу. Потом одумался кто-то. Оправдали! Сняли судимость, выплатили зарплату за месяцы, проведенные в тюрьме. Когда освобождали, Михаил Иванович не мог стоять. Сказалась изощренная пытка круглосуточным стоянием на ногах, когда следователи менялись, а он стоял. От него требовали признания в том, чего не было, чего не совершал: «Признайся, и ты пойдешь спать». А он стоял и стоял – могучий казак. И не признавался. Если бы он сказал «Да», его бы расстреляли. Когда он уже не мог стоять, то лежал в камере. Потом пришло освобождение:

– Свободен, иди.

Идти он не мог. Конвоиры вынесли за ворота. Там и лежал на земле пока не нашел его случайно проезжавший рабочий совхоза. Узнал:

– Да це ж Михайло Иваныч!

Погрузил в телегу, привез в совхоз. Жена Клавдия Захаровна нашлась сразу, а сына Вовки нет. Когда нашелся, переехал к отцу. К этому времени он научился ненавидеть свою мачеху. Она отвечала взаимностью – тоже ненавидела.

... В 1939 году Михаила Ивановича назначают директором опять же «индустриального» Спиртосовхозкомбината в Пермской области (тогда Молотовской), в поселке Тюш.

В первые же дни работы новый директор стал перед ужасающим фактом: на улице шел, в этом году необычно ранний, снег, а картофель на нескольких тысячах гектар не убран. Как быть? Уходит под снег одна из статей дохода совхоза – сырье для спиртового завода. Директор принимает беспрецедентное решение: назначает плату копальщикам в одну треть от выкопанного картофеля.

Через несколько дней весь совхозный картофель лежал в подвалах спиртового завода и частных подвальчиках рабочих совхоза.

В соседних же совхозах и колхозах почти весь урожай картофеля ушел под снег и погиб. Надо сказать, решение о повышенной оплате за уборку картофеля из-под снега Михаилу Ивановичу подсказал старый рабочий совхоза, а потом эта треть урожая была по сходной цене приобретена у рабочих для переработки на спирт. Совхоз, вопреки ожиданию, с хорошими показателями закончил год. Директор получил орден Красного Знамени вместо грозившего ему за самоуправство выговора. Таким же успешным был и сороковой год.

А потом 41-й, 42-й, 43-й годы – страшное лихолетье войны, голод, напряжение всех сил и через силу. «Рвали жилы» оставшиеся в тылу женщины и старики, и даже школьники. Но спиртзавод работал, вырастало для него сырье на полях – зерно и картофель, заготавливались дрова на лесосеках для заводских котлов, вырабатывался спирт для нужд оборонной промышленности. Директор получил второй Орден Красного Знамени, а рабочие совхоза – личную благодарность Сталина.

В 1943 году Михаила Ивановича переводят на работу заместителем председателя облисполкома Пермской области (тогда – Молотовской). Шла война. Все четыре брата Михаила Лолы – Федор, Лазарь, Николай, Василий, и мужа его сестер погибли. Погиб старший сын Михаила Ивановича Анатолий, освобождая от немцев Литву. Первым из братьев Михаила Ивановича пал Федор Иванович Лола – полковник 35-ти лет, осталась больная жена с крошечными дочками Майей и Светой. Остальные – солдаты или младшие командиры, всем от 20-ти до 36-ти лет. Почти у каждого остались дети, а некоторые даже не успели жениться. Дети Василия Ивановича – Тая и Володя...

Но люди уже думали о будущем. Взамен погибших, убитых на войне надо было готовить новые кадры. Михаил Иванович назначается директором сельскохозяйственного института в Перми (тогда Молотов). В институте около ста студентов. Вспомнились рабфаковские времена, когда трудно было набрать обучающихся. Михаил Иванович прилагает большие усилия для расширения и развития Пермского сельхозинститута, открываются новые кафедры и факультеты. Сам он является заведующим кафедрой политэкономии, в 1948 году

защищает кандидатскую диссертацию. К пятидесятому году в институте было уже более тысячи студентов.

В 1951 году грянул гром. Директора Пермского сельскохозяйственного института призвали к ответу за зажим критики и самокритики (была такая статья в уставе партии). Собрали общеинститутское партийное собрание. Я, к сожалению, не знаю, как там все происходило, только в результате проработки Михаил Иванович вдруг очутился в Литве, на должности заведующего кафедрой политэкономии Вильнюсского университета. Ему было предложено несколько мест работы по его специальности – преподавателя политэкономии. Выбрал Литву, место гибели сына Анатолия.

Литовское руководство встретило Михаила Ивановича с большим почтением. Он оказался единственным кандидатом наук по марксистско-ленинской теории, и на него был большой спрос. Одновременно с заведыванием кафедрой он стал преподавать в высшей школе при ЦК компартии Литвы. В 1964 году М. И. Лола защитил докторскую диссертацию. Ему было присвоено почетное звание Заслуженный деятель науки Литовской ССР.

M. V. LOLA. «REMINISCENCES» OF M. I. LOLA – THE HEAD OF KUBAN WORKERS' FACULTY AND KRASNODAR PEDAGOGICAL INSTITUTE

Kuban Cossack, professor of political economy M. I. Lola was born in the Cossack village Starodzhhereliyevskaya in 1896. He died at the age of ninety in Vilnius on the 18th of February 1986. He left some notes.

Key words: history of higher education in Kuban, M. I. Lola.

400 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ РОССИИ

Четыре века назад первый представитель династии – Михаил Федорович – взошел на русский престол и положил начало правлению династии Романовых, олицетворявшей собою один из державных символов истории России до 1917 года. Знаменательной вехе отечественной культуры и государственности был посвящен ряд мероприятий, проведенных в библиотеках, музеях, высших и средних учебных заведениях Краснодарского края. В частности, в Краснодарском краевом художественном музее им. Ф. А. Коваленко в апреле-мае 2013 года состоялась выставка «Романовы. Лики истории». Большой интерес у студенчества вызвали развернутая в научном читальном зале КГУКИ книжная экспозиция «Романовы: от Михаила до Николая II» и беседы о вехах становления Государства Российского, проведенные профессиональными историками в учебных аудиториях вуза.